

УДК 94(470.23-25)"19/20":930.1

**ОН БЫЛ ПО-НАСТОЯЩЕМУ ДЕМОКРАТИЧЕН: ВСПОМИНАЯ
Р. Ш. ГАНЕЛИНА****В. С. Измозик, А. С. Пученков**

Статья докторов исторических наук В. С. Измозика и А. С. Пученкова посвящена памяти члена-корреспондента РАН Рафаила Шоломовича Ганелина (1926 – 2014), одного из ярчайших представителей ленинградской исторической школы. В статье рассказывается о вкладе Р. Ш. Ганелина в историческую науку, особенностях его исследовательского метода, чертах характера. Особо отмечается преданность Ганелина исторической науке, его учителям, рассказывается о понимании Рафаилом Шоломовичем специфики работы историка с историческими источниками и особенностях их интерпретации.

Ключевые слова: Р. Ш. Ганелин, Академия наук, Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР, Б. А. Романов.

Публикуемый материал имеет необычный характер: его трудно отнести к какому-то одному жанру – в известной степени это и научная статья, и заметка, имеющая мемуарный характер, и запись беседы двух историков, давно и хорошо знающих друг друга. Уместнее всего эту работу назвать размышлениями о выдающемся ученом. Оба автора предлагаемого вниманию читателю сочинения в течение многих лет общались с замечательным историком, членом-корреспондентом РАН Р. Ш. Ганелиным (16.10.1926 – 12.10.2014); в судьбе каждого из нас он сыграл, безусловно, значительную роль; продолжительное товарищество с ним, по той степени воздействия, которое оно оказало на формирование обоих авторов как профессиональных исследователей, сложно с чем-либо сравнить, в известной степени его следует рассматривать как дополнительное высшее образование, своего рода Академию, вместе с тем ни один из нас не имеет права назвать себя прямым учеником Р. Ш. Ганелина, скорее мы могли бы с гордостью заявить о том, что можем себя отнести к числу его верных друзей, поскольку в течение целого ряда лет были близки к нему. Рафаил Шоломович, человек умный и доброжелательный, не был классическим ментором, в привычном понимании этого слова, однако он обладал исключительным

даром наставничества и способностью превращать каждую беседу с абсолютно любым человеком, вне зависимости от его рода деятельности, в не имеющий аналогов по степени своего эмоционального воздействия на окружающих мастер-класс или же увлекательную экскурсию в творческую лабораторию ученого. При этом Ганелин никогда не давил на собеседника своими чинами и регалиями, ухитряясь искусно подвести молодых или уже убежденных седидами коллег, к правильному, в его понимании, взгляду на те или иные события, эпизод, а то и целую эпоху отечественной или мировой истории. Уникальная профессиональная эрудиция, удивительная щедрость в плане дружеского общения и абсолютно не наигранная сопричастность к любой проблеме, возникавшей как в частной, так и в профессиональной жизни его друзей, позволяют рассматривать Ганелина как поистине необычного человека, встречу с которым его многочисленные коллеги, товарищи и соратники рассматривают как удачу и подарок судьбы. И до сих пор всех нас не оставляет ощущение, что Рафаил Шоломович, несмотря на свой почтенный возраст, ушел преждевременно: сейчас, как никогда ранее, его глубокий и ясный ум и репутация тончайшего знатока истории российско-американских отношений были бы востребованы профессиональ-

ным экспертным сообществом; ныне нам не хватает и его острых, порой абсолютно неожиданных и парадоксальных, оценок различных этапов развития российской государственности. Словом, Рафаил Шоломович не забыт своими многочисленными учениками и друзьями. Поэтому сегодня, в канун 100-летнего юбилея со дня рождения Р. Ш. Ганелина, нам захотелось поговорить о замечательном ученом и человеке. В известной степени этот материал следует считать продолжением мемориальных статей, которые были опубликованы вскоре после кончины Рафаила Шоломовича [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12]. По обоюдной договоренности, достигнутой накануне встречи, солировать в диалоге должен был В. С. Измозик – и как представитель старшего поколения, и как человек, общавшийся с Ганелиным в течение целых 46 лет. Нашу беседу мы сочли возможным оформить в виде статьи, надеясь, что она будет интересна всем тем, кто помнит об одном из самых ярких представителей отечественной историографии второй половины XX – нач. XXI в., или же узнает о нем из этого текста впервые.

Беседа, стенограмма которой предлагается вниманию читателя, состоялась в Санкт-Петербурге, 24 марта 2025 г.

А. П. Сегодняшняя наша встреча посвящена двум датам, первая из которых уже прошла незамеченной, а до наступления второй еще целых полтора года: 12 октября 2024 г. минуло десять лет со дня смерти выдающегося российского историка, доктора исторических наук, члена-корреспондента РАН Рафаила Шоломовича Ганелина, человека, который почти всю жизнь проработал в Ленинградском отделении Института истории Академии наук – сначала СССР, а потом России; а 16 октября 2026 г. исполняется сто лет со дня его рождения. С 2007 г. и до последнего дня своей жизни Рафаил Шоломович имел честь работать в своей альма-матер – Институте истории Санкт-Петербургского государственного университета, бывшем

историческом факультете. Тому, что у него есть возможность нести знания студентам родного истфака, он был очень-очень рад. Цель нашей с Владленом Семеновичем беседы, стенограмма которой, надеюсь, будет опубликована в текущем году, связана со стремлением подготовить профессиональное сообщество к столетию со дня рождения замечательного ученого – мы верим, что эта заметка подтолкнет историков к написанию статей, в которых будет предпринята попытка еще раз переосмыслить значение фигуры Рафаила Шоломовича для отечественной историографии. К настоящему моменту существует уже несколько статей, посвященных памяти Ганелина. Желательно, чтобы их число увеличилось. В нашей сегодняшней беседе мне бы хотелось поговорить о том, каким нам запомнился Рафаил Шоломович как человек. Мне кажется, что в статьях-некрологах, опубликованных вскоре после его кончины, речь в большей степени шла о нем как об ученом. Об этом было много сказано, я полагаю, что будет сказано еще больше, а вот о нем как о человеке следует поговорить сейчас, пока память еще не стерла впечатления от встреч с ним. Когда Вы, Владлен Семенович, познакомились с Ганелиным? Если не ошибаюсь, Вы впервые увидели его в 1968 году на Петрозаводской, дом 7, в здании, где и поныне располагается Санкт-Петербургский Институт истории Академии наук?

В. И. Прежде всего фамилия Ганелин попала мне на глаза в 1960 году, когда я купил трехтомник «Воспоминаний» С. Ю. Витте и первый том этой книги, как известно, был выпущен под редакцией двух историков – Ганелина и [Б. В.] Ананьича.¹ Естественно, в тот

¹ Витте С. Ю. Воспоминания. В 3-х томах / Вступительная статья и общая редакция комментариев и указателя д. и. н. А. Л. Сидорова; авторы комментариев к первому тому кандидаты исторических наук Р. Ш. Ганелин и Б. В. Ананьич; авторы комментариев ко второму тому кандидаты исторических наук В. И. Бовыкин и К. Н. Тарновский; авторы комментариев к третьему тому И. В. Бестужев и В. А. Емец. М., 1960.

момент, признаюсь честно, мне эти фамилии ничего не говорили, но «Воспоминания» Витте – как весь этот трехтомник, так и первый том, были, конечно, очень интересны, интересны были и комментарии. Затем наступил период после моего возвращения из армии в конце 1964 года, сдача кандидатских экзаменов, закончившихся в 1967 году.

А. П. Простите, я Вас перебыю: а где Вы учились в аспирантуре?

В. И. В тот момент можно было поступать в аспирантуру только через два года после окончания института. Хотя я закончил Ленинградский педагогический институт им. А. И. Герцена в 1960 г. с красным дипломом, но в 1962 г. в аспирантуру я не попал, сдав неудачно экзамены, получив три «четверки», поэтому отправился в армию. После демобилизации осенью 1964 г. я стал соискателем при кафедре Истории СССР, а моим научным руководителем стал декан Александр Афанасьевич Свиридов.² К 1967 г. я сдал все кандидатские на «отлично», но в это время внезапно умирает Свиридов. Я остался в общем без руля и без ветрил. Даже тема кандидатской была не определена. Пытался заниматься историей событий в Кронштадте в марте 1921 г., но уже потребовался допуск для работы в архиве Военно-морского флота, который, конечно, мне никто предоставить не мог. Я в это время работал учителем истории, литературы и русского языка во Всеволожской заочной средней школе. Я продолжал читать в Публичке газеты и журналы 1920-х годов,³ заходя также в Институт истории, который размещался до этого в Библиотеке Академии наук, и там свел неблизкое знакомство с Вита-

лием Ивановичем Старцевым.⁴ После переезда Института истории на Петрозаводскую улицу, я продолжал заходить к Виталию Ивановичу в Институт. Где-то, наверное, в конце 1967 или в начале 1968 года я зашел к Виталию Ивановичу и показал ему свою рукописную статью о заседании ЦК 10 октября 1917 года, основанную на воспоминаниях Г. И. Оппокова-Ломова и Варвары Николаевны Яковлевой. В этом заседании, кстати, участвовала Варвара Николаевна, но в протоколах не была упомянута, хотя по ее воспоминаниям, вышедшим в 1922 году, она и вела протокол этого заседания. Виталий Иванович посмотрел мой материал, он ему в целом понравился.

А. П. Простите, Вы упомянули в этой рукописи фамилию Сталина как участника этого исторического заседания или из соображений политической корректности решили его не называть?

В. И. Нет, я называл Сталина и Троцкого как участников этого заседания.

А. П. Либеральное было время!

В. И. Да, в 1958 году вышли протоколы заседаний ЦК РСДРП с августа 1917 по февраль 1918 г., там все участники заседаний упоминались. А в моей статье речь шла о встрече с Владимиром Ильичом Лениным на конспиративной квартире у М. В. Фофановой. Виталий Иванович предложил название «Глазами москвичей». Кстати, до сих пор этот материал так и не опубликован, часть его лежит у меня в домашнем архиве.

А. П. Может быть, настало время для публикации?

В. И. Может быть, надо как-то этим заняться. Так вот в разговоре Виталий Иванович предложил мне прийти на заседание, посвященное обсуждению двухтомника «Октябрьское вооруженное восстание. 1917 год в Петрограде».⁵ Этот двухтомник я внимательнейшим образом

² Свиридов Александр Афанасьевич (1923 – 1967?), кандидат исторических наук, доцент, специалист по истории Октябрьской революции и Гражданской войны. Участник Великой Отечественной войны.

³ Российская национальная библиотека в Санкт-Петербурге, в просторечии – Публичка, в 1932 – 1992 г. – Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

⁴ Старцев Виталий Иванович (1931 – 2000), доктор исторических наук, профессор, выдающийся советский и российский историк, специалист по истории революций 1917 года, популяризатор исторического знания, публицист.

⁵ См.: Октябрьское вооруженное восстание. 1917 год в Петрограде: в 2 кн. / Под ред. А. Л. Фраймана. Л., 1969.

уже прочел. Действительно это был мощный удар по трупному яду «Краткого курса», который еще продолжал в значительной мере, ну, если не господствовать, то уж во всяком случае существовать в нашей исторической науке. И опять там была фамилия Ганелина как автора, но опять же она мне ничего не сказала.

А. П. А Рафаил Шоломович в этот момент уже готовил свою докторскую?

В. И. Да, он уже работал над ней, писал монографию, которая выйдет в 1969 году.⁶ Ее текст и лег в основу его докторской диссертации. Я пришел в Институт истории, в этот, впоследствии многократно мной посещаемый зал на третьем этаже, зал был переполнен, надо сказать. Я устроился на каком-то стульчике рядом с незнакомым мне человеком, который, судя по его внешнему виду, был старше меня на довольно значительное число лет. Ну, есть и есть сосед. Это и был, как оказалось, Ганелин.

А. П. В лицо, значит, Вы его не знали?

В. И. Нет. Началось заседание. Один за другим выступали ораторы, каждый представлялся кандидатом наук, доктором наук... [А. Л.] Фрайман⁷ вел заседание. Очень эмоционально выступил специалист по меньшевикам Ханан Маркович Астрахан.⁸

А. П. Он, кстати, был друг Александра Завелевича Ваксера.⁹

В. И. Как раз Ваксера-то я к тому моменту знал.

А. П. Он у Вас вел занятия в институте?

В. И. Нет, он не вел у меня занятия. Я просто знал его в лицо. Выступали противники книги. Я запомнил, что выступал [Е. Ф.] Ерыкалов,¹⁰ там были еще критики.

А. П. Ерыкалов — представитель достаточно ортодоксального направления в советской историографии Октября, хотя книга у него для своего времени была очень содержательной.¹¹

В. И. Наконец, я решился. Это был очень важный момент в моей профессиональной жизни. Я послал записку в президиум с просьбой дать мне слово. Мне его предоставили. Я вышел, представился, сказал, что я один из тех, кому предназначена эта книга. И начал говорить, говорил я, видимо, неплохо, потому что, когда сел на место, я, во-первых, получил записку из президиума от Фраймана с просьбой написать о том, кто я такой вообще и где я работаю. И мой сосед начал расспрашивать меня о том, кто я такой. Я сначала даже перепутал его имя-отчество, по ошибке назвав его Шоломом Рафаиловичем. Мне очень приятно, что через много лет Рафаил Шоломович назвал мое выступление «ярким и квалифицированным» [13, С. 179].

А. П. Отца его звали Шоломом Израилевичем.¹²

В. И. Да, и он спросил меня, где я живу. В это время мы жили с женой в однокомнатной квартире ее родителей на ул. Софьи Ковалевской, поскольку они жили за городом на даче, в Сосновском районе. Выяснилось, что мы соседствуем. Он в это время жил на ул. Верности, 10. И он предложил мне заходить к нему в гости, сообщив свой адрес. Мне было как-то неудобно, я думал, что это приглашение дежурное, вежливое. Я им не воспользовался.

⁶ Речь идет о книге: Ганелин Р. Ш. Россия и США. Очерки истории русско-американских отношений. 1914 – 1917. Л., 1969.

⁷ Фрайман Антон Львович (1908 – 1972), советский историк, доктор исторических наук, профессор, специалист по истории революции и Гражданской войны в России. Участник Великой Отечественной войны. Подполковник.

⁸ Астрахан Ханан Маркович (1918 – 1988), советский историк, доктор исторических наук, профессор. Участник Великой Отечественной войны.

⁹ Ваксер Александр Завелевич (1921 – 2020), советский и российский историк, доктор исторических наук, профессор, специалист по истории рабочего движения и промышленного развития СССР. Лауреат Государственной премии СССР. Участник Великой Отечественной войны. Капитан. Мемуарист. См.: Измозик В. С., Пученков А. С., Полтораки С. Н., Зотова А. В. Памяти А. З. Ваксера (1921 – 2020) // Клио. 2020. №7 (163). С. 192-197.

¹⁰ Ерыкалов Ефрем Федорович (1913 – 1987), доктор исторических наук, профессор, участник Великой Отечественной войны, полковник.

¹¹ Речь идет о книге: Ерыкалов Е. Ф. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л., 1966.

¹² Ганелин Шолом Израилевич (1894 – 1974), доктор педагогических наук, член-корреспондент АПН РСФСР.

А. П. Да-да. Мы с Вами как-то вспоминали сцену из «Золотого тельца» Ильфа и Петрова, где переводчик усиленно приглашал пассажиров «Антилопы» к себе в гости в Москву, прибавляя, что старушка мама будет очень рада, но адрес почему-то не оставил.

В. И. Через какое-то время, видимо недолгое, мы встретились на остановке трамвая на углу проспекта Науки и Софьи Ковалевской. Он обрадовался встрече, опять пригласил в гости, я опять чего-то застенялся. Наконец, через какое-то время мы опять встретились там же, на этой трамвайной остановке. И он уже в третий раз меня пригласил в гости. Тогда-то я и решил, что это приглашение искреннее, а не формальное. И начались наши встречи. Точнее, мои походы к нему домой, чаще всего вместе с моей женой, Людмилой Васильевной. Обязательно предлагался чай, какое-то угощение. Как правило, после недолгой общей беседы мою жену забирали к себе гостеприимная, удивительно домашняя жена Ганелина, Тамара Сауловна¹³ (квартира в доме ЖСК была трехкомнатной), а я переходил в комнату Рафаила Шоломевича, где продолжалось мое разностороннее образование.

А. П. Скажите, пожалуйста, что Вас в профессиональном плане впечатляло от Ганелина на первых порах? Он, например, хорошо знал английский язык?

В. И. Мне трудно судить: мои знания английского очень слабые, но главное, что меня подкупало, так это его знаменитые беседы о советской истории, которые легли в основу будущей книги его воспоминаний [13].

А. П. Да, она действительно стала шедевром. На мой взгляд, с этой книгой должен познакомиться каждый историк: в ней содержатся важные подсказки к пониманию того контекста, в котором работали историки в советскую эпоху;

пользуясь одной из любимых присказок Ганелина, «чтение этой книги позволяет выйти из историографического предположения и приступить к формулированию серьезных обобщений».

Все эти годы, Вы с ним много общались. Вот 1970-е – 1980-е годы, Вы оба были членами КПСС, и Вы точно знаете ответ на мой вопрос: всегда ли у него было такое, что ли, иронически-недоброжелательное отношение к советскому официозу, или он в это время считал, что советская власть – это монолит, который простоят еще тысячу лет?

В. И. Нет, безусловно. Важную роль сыграла оттепель. Я не могу судить, каким он был до 1956 года. Но после видел, что в самых бедовых условиях очень важную роль играл человек, его порядочность, его друзья. А кто были друзьями Рафаила Шоломевича? [А. А.] Фурсенко,¹⁴ [Б. В.] Ананьич,¹⁵ [А. Н.] Цамутали¹⁶ – абсолютно порядочные, с моей точки зрения, люди. Кстати, не случайно, что они и постарались занять партбюро Института, понимали его значение. Вообще, на мой взгляд, в эти годы парторганизация в определенном смысле была, как ни покажется странно, ячейкой гражданского общества. Да, она должна была проводить в жизнь решения вышестоящих органов, но одновременно защищала интересы своего коллектива. Поэтому был важен персональный состав парткома, партбюро. Поэтому и в Институте истории в Москве ново-

¹⁴ Фурсенко Александр Александрович (1927 – 2008), выдающийся советский и российский историк, академик РАН, крупнейший представитель отечественной школы американистики. Ученик Б. А. Романова.

¹⁵ Ананьич Борис Васильевич (1931 – 2015), выдающийся советский и российский историк, академик РАН, специалист по экономической истории царской России, истории международных отношений, исторической биографии. Ученик Б. А. Романова. В течение многих лет ближайший друг и соавтор Р. Ш. Ганелина.

¹⁶ Цамутали Алексей Николаевич (1931 – 2024), доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации. Крупнейший специалист по истории исторической науки, видный публикатор исторических документов. Житель блокадного Ленинграда. В течение всей жизни работал в Ленинградском отделении Института истории АН СССР.

¹³ Ганелина Тамара Сауловна (1922-1996). Многие годы преподавала в средних специальных учебных заведениях: Музыкально-педагогическом училище, Ленинградском педагогическом училище им. Н.А. Некрасова.

прочтенцы тоже постарались занять партбюро. Можно вспомнить известную присказку Рафаила Шоломовича, что нет многопартийности, но есть многоподъездность.

А. П. Когда я пересказываю эту шутку своим студентам, они ее не понимают. А как бы Вы ее объяснили, если максимально упрощенно?

В. И. Я понимаю ее так, что внутри самой Системы, внутри партийного аппарата существовали разные оттенки мнений о допустимости тех или иных взглядов, высказываний и так далее. Не только в 20-е, но и в 30-е годы такие оттенки мнений существовали. Не случайно, что и участники дискуссий не только в истории, но и в языкознании, и в философии в общем-то часто почти до конца не знали, кто окажется наверху. Ведь согласитесь, что участники будущей антипартийной группы театральных критиков до определенного момента считали, что на коне они. И они пытались громить своих оппонентов. Также, как когда началась дискуссия в области языкознания, марристы считали, что они должны одержать верх, но в определенный период до 1953-го года единственным арбитром, способным поставить точку в любой дискуссии, был товарищ Сталин. Это касается и философии в начале 30-х годов, дискуссии о политэкономии...

А. П. Это касалось абсолютно всего, даже относительно того, допустимо ли играть матч за мировое первенство по шахматам советскому гроссмейстеру Михаилу Ботвиннику с чемпионом мира, дворянином и эмигрантом Александром Алехиным – окончательное решение по этому вопросу принимал только сам товарищ Сталин. Да и по всем остальным вопросам также рассудить спор мог только он. Вспомним, например, вопрос об участии советских футболистов в турне по городам Англии в 1945-м году – это тоже надо было согласовывать с вождем.

В. И. Да, осенью 1945-го. Так называемая команда «Динамо», усиленная игроками других команд.

А. П. По факту это была сборная СССР по футболу.

В. И. А иногда ведь окончательная точка вообще не ставилась, как в случае с дискуссией историков 1944 года. Там столкнулись две позиции – позиция, взявшая курс на национальный престиж России, доказывавшая, что все присоединения к ней были прогрессивными и добровольными.

А. П. Да-да: известная концепция «меньшего из зол».

В. И. И второе направление, которое представляло классовую точку зрения. Но точка так и не была поставлена, хотя материалы были переданы в ЦК, а представители ЦК так и не высказали окончательного суждения. Думаю, что в Рафаиле Шоломовиче подкупал, прежде всего, его колоссальный интерес к людям.

А. П. Что меня в Ганелине поражало и восхищало, так это то, что он с самого начала абсолютно искренне интересовался тем человеком, который к нему пришел. Так, например, когда я с ним познакомился в 2001 году (меня попросили проводить его из школы юных историков «Добрыня», в которой он читал лекцию, на такси до дома), то он меня, студента 4-го курса истфака, необычайно подробно расспрашивал о моих занятиях, взглядах. Я по глупости воспринял это как какую-то шутку: кто он, а кто я. Я уже тогда осознавал, фигурой какого масштаба он является. Только потом я понял, приводя к нему в гости самых разных людей и видя его искреннюю радость при знакомстве с ними, что он, по его выражению, «развлекался наблюдательностью», изучая человеческую натуру. Это занятие было одним из немногих удовольствий, которое он мог себе позволить, будучи лишен, в силу своего нездоровья, очень многих из обычных житейских радостей. Кстати, он любил говорить по этому поводу, что это в его натуре, пожалуй, типично русское: стремление к изучению потемок или, наоборот, шири человеческой души. И ему, что называется, по умолчанию, был

симпатичен тот человек, с которым он познакомился, то есть он изначально был настроен по отношению к нему доброжелательно – далеко не все мы можем похвастаться наличием у себя подобного качества. Это была его индивидуальная черта, она привлекала в нем людей. Потом у него могло возникнуть отторжение от того или иного человека, разочарование в нем, неприятие и даже антагонизм и вражда – в боях с противником, как известно, он был ничуть не менее хорош, чем в дружбе, – но это было уже потом.

В. И. Я бы сказал, что его интерес к людям не зависел от состояния его здоровья. Даже когда он еще достаточно свободно передвигался, упомянутая выше его черта уже в нем присутствовала. Я бы даже сравнил эту его черту с чертой характера Владимира Ильича Ленина. Крупская же пишет в воспоминаниях, что Владимир Ильич время от времени влюблялся в людей.

А. П. Да, об этом писал и Троцкий: что в те дни, когда у Ленина появлялся новый любимчик, Лев Давидович спрашивал у Председателя Совнаркома: «Ну, что, у Вас новый роман?»

В. И. Да, у Ленина был период увлечения [М.А.] Натансоном, [Р.В.] Малиновским, потом он разочаровывался в них, но тут же у него появлялся новый объект обожания. А что касается Ганелина, то у него всегда присутствовало желание помочь людям, прийти к ним на помощь: я не очень знаю эту историю, но мне говорили, что, когда у одной из его аспиранток были серьезные неприятности, он ее поддержал, и она даже в течение определенного периода времени жила в квартире Рафаила Шоломовича. На протяжении почти 47 лет я посещал квартиру Рафаила Шоломовича – сначала на улице Верности, а потом на Гражданском проспекте, и вот примечательно: что тебя в обязательном порядке вели на кухню, где угощали чаем, кофе, бутербродами; на Гражданском, когда он уже больше лежал, все равно накрывался небольшой фуршетный стол у

кровати. Мне доверяли уже потом приносить посуду с кухни, заваривать чай. Больше всего из спиртного он уважал, кстати, водку. Мне приходилось и выступать в роли проводника к нему людей: мне было поручено впервые встретить Алекса Рабиновича¹⁷ – напротив кинотеатра «Современник» и привести его на квартиру к Ганелину, на улицу Верности. Это было уже в 2000-е годы, хотя впервые в нашей стране Алекс побывал еще в 1960-е годы, по академическому обмену. Примечательное качество Рафаила Шоломовича: он представлял собой сочетание великолепного дара глубокого ученого и рассказчика, оратора. Далеко не всегда это встречается. Помню, как много-много лет назад, когда я читал лекцию на заводе по выпуску ракетного топлива, ко мне подошел после лекции ее организатор и сказал, что передо мной выступал у них доктор исторических наук Степан Степанович Волк,¹⁸ и я выступил гораздо лучше, чем он. А я еще не был даже кандидатом наук. Я зашел к Рафаилу Шоломовичу и похвастался этим, на что он охладил мой пыл, сказав примечательную фразу: «Степа Волк – прекрасный ученый, но он не оратор».

А. П. А он был у Вас оппонентом?

В. И. Нет, моими оппонентами на первой защите были Серафим Николаевич Канев¹⁹, специалист по анархистам, и Шишкина Идея Михайловна.²⁰ А на докторской был Виталий Иванович Старцев, который сказал, что в Институт истории он не пойдет, а вот в Москву поедет. Это к вопросу о внутренних взаи-

¹⁷ Рабинович Александр Евгеньевич (1934 г. р.), крупнейший американский историк, специалист по истории российских революций 1917 года. Автор ряда классических монографий.

¹⁸ Волк Степан Степанович (1921 – 1993), доктор исторических наук, профессор. Специалист по истории русской общественной мысли XIX в. Участник Великой Отечественной войны.

¹⁹ Канев Серафим Николаевич (1913 – 1994), доктор исторических наук, профессор, специалист по анархизму.

²⁰ Шишкина Идея Михайловна (1931-?), кандидат исторических наук, сотрудник Ленинградского института истории партии.

моотношениях. Вторым оппонентом был Лельчук Виталий Семенович²¹, а третьим Семенникова Любовь Ивановна.²² А ведущей организацией была Академия ФСБ. Это была идея Данилова,²³ в тот момент, в 1995 г. заведующего кафедрой истории в МПГУ, где я защищался, которая меня сначала ошеломила, но он меня успокоил, сказав, что там очень приличные люди. Отзыв на диссертацию писал тогдашний заведующий кафедрой «История органов государственной безопасности», мой будущий друг Владимир Николаевич Хаустов.²⁴ Научным руководителем моей кандидатской был [А. З.] Ваксер, а докторская была без научного консультанта.

А. П. Почему, как Вы полагаете, Ганелин не стал развивать себя в рамках Института? Ведь он какое-то время был заведующим отделом. Почему он не пошел дальше? Это было связано с нездоровьем, происхождением или чем-то иным? Или просто у власти была другая партия?

В. И. Ну, партия-то в институте состояла из его друзей.

А. П. Нет, я имею в виду 70-е годы: тогда у власти был Николай Евгеньевич Носов.²⁵

В. И. И с Носовым у него были хорошие отношения. Нет, думаю, он все-таки предпочитал ученую стезю. Мне он неоднократно жаловался, что приходит-

ся заниматься административной рутинной, и в общем это его раздражало. Кстати, и Цамутали, и Ананьич также не рвались к административным должностям. Их привлекала в первую очередь именно возможность работать в архивах, библиотеках. Тем более, что в то время активно ходил в эти учреждения и Рафаил Шоломович. Несмотря на то, что у него была родовая травма, видимо, вывих бедра, он достаточно бодро тогда передвигался. Помню, как ему попался какой-то зарубежный журнал с фотографией первого допроса генерала Власова в Белогорке, в Сиверской.²⁶ Сиверская была у него связана с воспоминаниями о детстве, куда его возили в пионерлагерь, и мы с ним совершили довольно-таки длительную поездку в Сиверскую, куда добирались, конечно, на поезде. Сходили в Белогорку, посмотрели то место, которое мы идентифицировали. И эта долгая поездка вся состояла из разговоров – несколько часов разговоров. И только потом уже от Юры Егорова,²⁷ которого я знал с 1956 года (уже потом я узнал, что они были близкие друзья с Рафаилом Шоломовичем, но они для меня не соединялись вместе), я услышал это выражение «Софья Власьева», применительно к советской власти. И отношение к Ленину у Рафаила Шоломовича тоже было довольно спокойное и даже, я бы сказал, неофициозное. Кстати, и этот двухтомник «Семнадцатый год в Петрограде», о котором мы говорили только что, он же преподносил нам *не арифметику истории, он обращался уже к алгебре истории, показывал ее многофакторность и многоцветность*. Хотя там был выкинут историографический очерк [О. Н.] Знамен-

²¹ Лельчук Виталий Семенович (1929 – 2006), доктор исторических наук, профессор, ведущий специалист Института российской истории РАН.

²² Семенникова Любовь Ивановна (1943 – 2022), доктор исторических наук, профессор, заслуженный профессор МГУ. Специалист по истории советского государственного управления.

²³ Данилов Александр Анатольевич (1954 г.р.). Доктор исторических наук, профессор, специалист в области новейшей истории России, автор целого ряда школьных учебников.

²⁴ Хаустов Владимир Николаевич (1948 – 2023), российский историк, доктор исторических наук, профессор. Специалист по истории отечественных спецслужб. Полковник.

²⁵ Носов Николай Евгеньевич (1924 – 1985), советский историк, крупный специалист по истории русского Средневековья. В 1961 – 1981 – директор Ленинградского отделения Института истории АН СССР. Ученик Б. А. Романова. Участник Великой Отечественной войны.

²⁶ Командующий 2-й Ударной армией РККА генерал-лейтенант А. А. Власов, впоследствии согласившийся на сотрудничество с нацистами, попал в плен к немцам 11 июля 1942 г.

²⁷ Егоров Юрий Васильевич (1932 – 1999), советский и российский историк. Доктор исторических наук, профессор. Специалист по всеобщей истории и истории международных отношений. Талантливый популяризатор науки.

ского²⁸ и [В. И.] Старцева, но эти два тома все равно давали новый взгляд на события 1917 года. Не только Ганелин, но и Ананьич, Фурсенко, Цамутали, Старцев, [Г. Л.] Соболев²⁹ они старались все-таки показать, в рамках допустимого, конечно, реальную картину, настоящую историю. Отсюда не случайно и их благоговение перед их общим учителем [Б. А.] Романовым,³⁰ перед [А. В.] Пред-

теченским,³¹ перед [С. Н.] Валком,³² которые тоже, будучи зажатые в определенную идеологическую клетку, стремились эту клетку все-таки как-то расширить. Не случайно, что на монографию Рафаила Шоломовича «Российско-американские отношения в 1914 – 1917 году» вышла весьма ругательная рецензия в журнале «Журналист», причем одним из авторов этой рецензии был кто-то из помощников Л. И. Брежнева. Кажется, [В. А.] Голиков³³ – очень ортодоксальный человек, в стиле [С. П.] Трапезникова.³⁴ Ганелин умел взаимодействовать с самыми разными людьми: возьмем его отношения с [П. В.] Волобуевым,³⁵ [А. Л.] Сидоровым.³⁶ Сидоров

²⁸ Знаменский Олег Николаевич (1927 – 1993), выдающийся советский историк. Доктор исторических наук, профессор. Один из крупнейших представителей ленинградской исторической школы. Специалист по истории российской интеллигенции и Октября. Большую часть научной жизни проработал в Ленинградском отделении Института истории АН СССР, входя в созвездие так называемых «революционных генералов» или «октябристов», как тогда называли группу историков, специализировавшихся на изучении перипетий 1917 года – В. И. Старцев, Ю. С. Токарев, Г. Л. Соболев, О. Н. Знаменский. Автор ряда классических монографий по истории 1917 года, не утративших известного значения и до сих пор. Талантливый педагог: под руководством О. Н. Знаменского в науку пришли Н. Н. Смирнов, А. Б. Николаев и др. известные историки.

²⁹ Соболев Геннадий Леонтьевич (1935 г. р.), выдающийся советский и российский историк. Создатель двух научных школ: изучения революций 1917 года и эпохи Гражданской войны (среди учеников – Б. И. Колоницкий, В. Б. Лобанов, И. С. Ратьковский, М. В. Ходяков, В. А. Рачковский, А. С. Пученков и др. специалисты), а также школы изучения блокады Ленинграда (ученики – А. В. Кутузов, С. Б. Бизев, Л. Л. Газиева и др.). Житель блокадного Ленинграда. Ученик С. Н. Валка. Значительную часть жизни трудился в Ленинградском отделении Института истории АН СССР в тесном сотрудничестве с В. И. Старцевым, Ю. С. Токаревым и О. Н. Знаменским. Автор классической трилогии «Ленинград в борьбе за выживание в блокаде» и целого ряда книг, посвященных событиям 1917 года.

³⁰ Романов Борис Александрович (1889 – 1957), выдающийся российский и советский историк, доктор исторических наук, профессор. Ученик А. Е. Преснякова. Был арестован по «Академическому делу», отбывал срок на строительстве Беломорско-Балтийского канала. После возвращения из мест заключения продолжил занятия научной деятельностью. Труды Б. А. Романова заложили основы научного изучения биографии С. Ю. Витте, внешней политики Российской империи в эпоху последнего царствования, истории финансовой политики России. Помимо этого, классическая монография Романова «Люди и нравы Древней Руси» повлияла на складывание в Ленинграде школы историков, специализирующихся на изучении истории домонгольской Руси. Культура работы Б. А. Романова с источниками, исключительная историографическая эрудиция, уровень научных обобщений, его преданность науке – все эти качества позволяют говорить о Борисе Александровиче как об одном из крупнейших представителей отечественной исторической науки XX столетия. Талантливый педагог: среди учеников Романова были А. А. Фурсенко,

В. М. Панеях, Р. Ш. Ганелин, Б. В. Ананьич, Н. Е. Носов. Каждого из них он заботливо опекал, радуясь успехам своих «сынов». См. о Б. А. Романове: Фурсенко А. А. О жизненном пути Б. А. Романова // Вопросы истории. 1989. №11. С. 155-162; Панеях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000; Ганелин Р. Ш. Б. А. Романов – историк революционного движения в России // Советские историки: о чем они говорили между собой: Страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х годах. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2006. С. 209-228.

³¹ Предтеченский Анатолий Васильевич (1893 – 1966), известный советский историк, доктор исторических наук, профессор. Специалист по истории российской общественной мысли XIX в.

³² Валк Сигизмунд Натанович (1887 – 1975), выдающийся российский и советский историк и педагог. Крупнейший археограф своего времени, публикатор «Русской правды» и Декретов советской власти. Энциклопедист. В течение многих лет работал в Ленинградском отделении Института истории АН СССР. По некоторым данным, накануне событий 1917 г. примыкал к меньшевикам.

³³ Голиков Виктор Андреевич (1914 – 1997), помощник Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева.

³⁴ Трапезников Сергей Павлович (1912 – 1984), советский государственный и партийный деятель, член ЦК КПСС (1966 – 1984). В 1965 – 1983 гг. – заведующий Отделом науки и высших учебных заведений ЦК КПСС. Доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР. Имя Трапезникова воспринималось в ученой среде как олицетворение реакции, невежества и мракобесия.

³⁵ Волобуев Павел Васильевич (1923 – 1997), выдающийся советский и российский историк, академик АН СССР. Крупнейший специалист по истории революций 1917 года. Участник Великой Отечественной войны. В 1953 – 1955 гг. инструктор отдела науки ЦК КПСС. В 1969 – 1974 гг. – директор Института истории АН СССР. Был уволен с должности как лидер «нового направления» советской исторической науки, призывавшего к новому прочтению трудов В. И. Ленина и признанию существования стихийного фактора в событиях

— человек достаточно системный, но именно он предоставил двум молодым историкам, Ананьичу и Ганелину, возможность комментировать первый том Витте. Волобуев — тоже человек Системы, согласитесь. Но и Сидоров, и Волобуев были все-таки людьми, погруженными в историю: они знали ее не только по официальным статьям, но и по архивам.

А. П. И плюс у них была общая жизненная школа. Они оба прошли войну. Павел Васильевич Волобуев воевал, после войны работал в аппарате ЦК, был близок к верхотуре, тому же [А. С.] Черняеву³⁷, другим людям. Он был чрезвычайно осведомленным человеком. Тем ошеломительнее его падение. Как Вы понимаете, почему все так увлеклись на рубеже 60-х — 70-х годов новопрочтенцами?

В. И. А потому что это давало возможность посмотреть на историю не как на черно-белое противостояние капитализма и революционных сил, а увидеть Россию более реально. Те, кого называли в просторечии новопрочтенцами, доказывали, что нельзя выводить Октябрьскую революцию напрямую из зрелости русского капитализма, необходимо учитывать многоукладность российской экономики и признать роль стихийности в развитии революционных событий. Р. Ш. Ганелин оценивал это как «один из этапов развития советской общественной мысли предперестроечного периода» [13, С. 258]. По его мнению, сталинская теория формаций «оказалась неспособной

удовлетворить настоящих исследователей, занимавшихся изучением предреволюционной России» [3, С. 260]. Они были марксисты и ленинцы, но опять же, по словам Рафаила Шоломовича, они были «архивными людьми», для которых «исторический факт по большей части перевешивал методологическую доктрину».³⁸ Они были людьми, прошедшими значительную жизненную школу, *они видели настоящую Россию* — на фронте, видели разных людей. Это создавало определенную, как [А. А.] Бек³⁹ писал в «Новом назначении», ошибку мозгов: с одной стороны, заучивание тех или иных формул «Краткого курса», а с другой стороны наблюдение над реальной жизнью — возьмем Черняева, [Е. Г.] Плимака,⁴⁰ других работников идеологического фронта. [К. Н.] Тарновский,⁴¹ которого крайне высоко ценил и любил Ганелин, тоже, кстати, прошел войну. Мы не упоминаем других историков, а ведь многие пытались по отдельным сюжетам протестовать про-

³⁸ [13, С. 261] «Как я представляю себе возникновение школы “новопрочтенцев”? Слово “новопрочтенцы” носило в одних устах уничижительный характер, а в других — горделивый. Имелась в виду попытка по-новому прочитать Ленина. Традиционалисты произносили это с издевкой над “мальчишками”, а сами “новопрочтенцы” считали, что если по-новому читать Ленина, то можно у него много интересного вычитать... Через несколько лет после кончины [А. Л.] Сидорова и начался поход против “новопрочтенцев”. Их обвиняли в стремлении опровергнуть Ленина. А они хотели отнюдь не этого, их цель была в том, чтобы ленинскую формулу “**империализм как высшая стадия капитализма**” [Выделено автором. — А. П., В. И.], получившую в чрезвычайно узком ее значении официальную канонизацию, обогатить Лениным же, а не закрывать глаза на всесторонний характер его оценок российской действительности при том, что иногда они противоречили друг другу», — вспоминал Р. Ш. Ганелин [13, С. 258, 263].

³⁹ Бек Александр Альфредович (1903 — 1972), советский писатель, автор таких выдающихся произведений, как «Волоколамское шоссе» и «Новое назначение». Участник Гражданской и Великой Отечественной войны.

⁴⁰ Плимак Евгений Григорьевич (1925 — 2011), советский и российский историк, философ. Доктор исторических наук, специалист по истории общественной мысли XVIII — XIX вв. Большое внимание уделял осмыслению интеллектуального наследия В. И. Ленина. Мемуарист.

⁴¹ Тарновский Константин Николаевич (1921 — 1987), крупный советский историк и историограф. Автор ряда работ, посвященных изучению особенностей российского капитализма. Участник Великой Отечественной войны.

1917 года и многоукладности российской экономики того периода.

³⁶ Сидоров Аркадий Лаврович (1900 — 1966), доктор исторических наук, профессор, специалист по истории Первой мировой войны и экономической истории России. Публикатор трехтомных «Воспоминаний» С. Ю. Витте. В 1953 — 1959 гг. — директор Института истории АН СССР. См.: А. Л. Сидоров. Научно-документальное наследие: воспоминания, переписка / Сост. В. Г. Бухерт. М., 2025.

³⁷ Черняев Анатолий Сергеевич (1921 — 2017), советский историк, кандидат исторических наук. В течение многих лет работал в аппарате ЦК КПСС. В 1986 — 1991 гг. — помощник по международным делам генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. Автор многочисленных книг и воспоминаний о горбачевской эпохе, а также объемного дневника «Совместный исход», оboзpeвaющeгo события 1972 — 1991 гг. Участник Великой Отечественной войны.

тив мифологии. Это и [П. Н.] Михрин,⁴² и [В. И.] Биллик.⁴³ Михрин, это было любимым сюжетом Ганелина, уточнял дату возвращения Ленина в Петроград. Казалось бы, какое значение имела дата возвращения вождя мирового пролетариата из Финляндии в Петроград? Что это доказывало? Во-первых, что Ленин приехал самовольно, без разрешения ЦК, во-вторых, что он приехал значительно раньше 7-го октября. Это ломало всю схему, что ЦК стоял за Владимира Ильича, показывая всю сложность отношений Ленина с большинством ЦК партии, партии, которую он возглавлял столько лет. Однако именно он сумел удержать партию от раскола. В. И. Биллику, который, в частности, на протяжении многих лет ставил под сомнение трактовку советской экономической политики в 1918 – 1920 гг. в советской историографии, Рафаил Шоломович посвятил отдельную статью [14]. Вернемся к Ганелину. Он был очень человечески обязан Романову, который привел его в Институт, вспомним переписку последнего с [Е. Н.] Кушевой,⁴⁴ в которой Борис Александрович неоднократно упоминает имя Ганелина, причем даже в те годы, когда тот был еще студентом. Согласитесь, что мы оба с Вами преподаватели с немалым стажем, но представить, что мы о ком-то из своих студентов пишем, как о будущем нашей науки, довольно трудно.

А. П. У меня создалось ощущение, что тот же Ананьич был ближе к Романову, чем Ганелин. При этом Борис Васильевич был очень сдержан в оценках своего учителя, он, хотя и боготворил его, но у него не было такого же культа

учителя, пронесенного через всю жизнь, как у Рафаила Шоломовича и Виктора Моисеевича Панеяха.⁴⁵ «Романовское братство» не было, на мой субъективный взгляд, настолько уж монолитным. Я много раз бывал у Ганелина дома, но не припомню, чтобы Ананьич и Панеях ему звонили. Да, он говорил о них подчеркнуто тепло, но в последние годы, когда я с ним постоянно общался, мне казалось, что они от него отделились. Не будем вдаваться в подробности, но это было связано с существованием у них различных взглядов на дальнейший курс развития Института. Меня удивляло, что в Институте он держался достаточно обособленно, ни с кем особо не сближался, помимо С. К. Лебедева,⁴⁶ который, кстати, не был его формальным учеником. С другими пожилыми сотрудниками он общался достаточно мало. К слову, в последние годы он неоднократно к моему удивлению вспоминал добрым словом И. Я. Фроянова,⁴⁷ считая, что с ним поступили в свое время несправедливо. При этом, как мы помним, именно он сыграл в начале 2000-х годов не последнюю роль в том, что период блестящей

⁴⁵ Панеях Виктор Моисеевич (1930 – 2017), выдающийся советский и российский историк и археолог. Доктор исторических наук, профессор. Специалист по истории русского феодального права, издатель и комментатор законодательных актов Московского государства. Ученик Б. А. Романова, автор биографической книги, посвященной ему.

⁴⁶ Лебедев Сергей Константинович (1956 г. р.), советский и российский историк, доктор исторических наук, специалист по истории России XIX – нач. XX вв. Ученик Б. В. Ананьича, соратник Р. Ш. Ганелина.

⁴⁷ Фроянов Игорь Яковлевич (1936 – 2020), выдающийся советский и российский историк, писатель, публицист, общественный деятель. Крупнейший специалист по истории Древней Руси, создатель научной школы, представителями которой являются такие авторитетные ученые, как А. Ю. Дворниченко, А. В. Майоров, Ю. В. Кривошеев, И. Б. Михайлова, А. В. Петров и др. В последние годы жизни обнаружился интерес Игоря Яковлевича к общественной деятельности: он являлся последовательным сторонником КПРФ. Помимо этого, И. Я. Фроянов опубликовал ряд научно-популярных работ, посвященных Октябрьской революции и горбачевской перестройке, вызвавших критические отзывы у некоторых специалистов. В 1982 – 2001 г. – декан исторического факультета Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета. Похоронен на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга.

⁴² Михрин Павел Николаевич (1912 – 1963), советский историк, кандидат исторических наук. Младший научный сотрудник Сектора истории советского общества Ленинградского отделения Института истории АН СССР.

⁴³ Биллик Владимир Исаакович (1910 – 2003), советский историк, кандидат исторических наук. В течение ряда лет работал в Ленинградском отделении Института истории АН СССР.

⁴⁴ Речь идет о книге: Екатерина Николаевна Кушева – Борис Александрович Романов. Переписка 1940 – 1957 годов / Сост. В. М. Панеях. СПб., 2010.

административной карьеры в жизни этого крупного историка завершился; Ганелин вел тогда с ним отчаянную и отнюдь небезуспешную борьбу. Однако после его падения он прилагал все усилия, чтобы прекратилась травля Игоря Яковлевича, считая, что необходимо дать ему возможность продолжить работу на истфаке. Говорю об этом к тому, что Рафаил Шоломович отнюдь не был кровожадным человеком, он не стремился никогда никого добивать – это было ему чуждо. Он, используя выражение классика, «милость к падшим призывал». Как мне представляется, он не признавал ни в какой форме клерикалов, но с уважением относился, например, к историкам спецслужб, считая, что они изучают структуры, являющиеся неотъемлемым этапом нашей истории. Не любил пресмыкательства перед сильными, не понимал и не любил тех, кто унижает слабых. Для него это было неприемлемо. Из политиков он выделял Ельцина, который ему, я бы сказал, бесконечно нравился. Он любил вспоминать, как видел Бориса Николаевича на похоронах останков царской семьи в Петропавловском соборе в 1998 году, где Ельцин произнес, по его мнению, лучшую речь в своей жизни, призывая нацию к покаянию перед памятью своих бывших властителей. Ганелин в целом не любил наши институты власти как таковые, считая, что они подавляют присущее любому человеку стремление к свободе, но стремился к пониманию их, если угодно, философских взглядов, пытался исследовать причину и природу их тех или иных действий. При этом, как мне кажется, он с большим уважением относился к представителям старой бюрократической элиты, чем к советской номенклатуре. Очень много, с огромным интересом, при каждой, что я особо считаю необходимым оговорить, нашей встрече, он рассказывал о судьбах своих коллег, их корпоративной этике, логике поведения в разные исторические периоды времени.

Мы подходим к главной симпатии его научной жизни. Я говорю о Сергее Юльевиче Витте. Витте он считал олицетворением крупнейшей нереализованной альтернативы в истории России. Вместе с тем он иронически относился к мемуарным высказываниям Витте, считая, что наиболее известная версия его воспоминаний, по сути своей, по его словам, отважная склейка разрозненных реплик политика, обработанных разными умельцами. Вспомним, что в начале 2000-х годов под редакцией Рафаила Шоломовича вышла надиктовка Витте своим сотрудникам тех материалов, которые потом легли в основу беллетризированной версии его воспоминаний, известных ныне каждому человеку, интересующемуся отечественной историей. Ганелин в свое время вывез из Америки эти «исходники», которые потом ему удалось опубликовать. Удивительным образом оценки Ганелиным личности Николая Второго совпадали с теми представителями советской историографии, которые, как и положено было в то время, относились к последнему самодержцу резко критически; в свою очередь, для Рафаила Шоломовича царь был неумным, недобрый и бесталанным человеком. И если перед фигурой Сталина у него было такое, я сказал бы, враждебное оцепенение, он понимал масштаб его личности, то Николай Второй для Ганелина – не более чем недалекий и глуповатый погромщик. И в этой связи ему были не по душе попытки отдельных представителей нашей петербургской исторической науки осуществить хотя бы частичную реабилитацию Николая Второго. Словом, он был убежден, что советская историография справедливо оценивала личность и деяния Николая Александровича. Последний царь для Ганелина – фигура сугубо отрицательная.

В. И. Я бы добавил, что в целом отношение к аппаратным людям у него было бы не то что положительное, но он не становился в позу. Вспомним, как он

отмечал заслуги Евгения Яковлевича Зазерского, служившего в аппарате Ленинградского горкома партии, а затем многие годы работавшего в должности ректора Института культуры – во многом благодаря именно ему был опубликован двухтомник «Семнадцатый год в Петрограде». Он хорошо отзывался и о многих других представителях власти, с которыми ему приходилось иметь дело, если они того заслуживали. Он умел видеть не только должность человека, но и самого человека.

А. П. Он признавал, что наверху есть и достойные люди.

В. И. Безусловно. И снова мы переходим к разговору о многоподъездности и многоцветности. Он умел видеть достоинства в самых разных людях. С каким уважением и благодарностью он вспоминал хозяйку в деревне, куда он привез своих студентов в 1953 г.

А. П. В нем всегда присутствовало уважение к людям труда. Он был по-советски, по-ленински, как принято было раньше говорить, словом, по-настоящему демократичен.

В. И. Да, он был по-настоящему демократичен. Для многих представителей интеллигенции было характерно высокомерное отношение к так называемому простому человеку. Рафаил Шоломович, вслед за своим отцом, был не только ученым, но и просветителем.

А. П. Безусловно. Вспомню эпизод из своей биографии, когда 12 лет назад, пятого января 2013 года, мы с моим отцом, к которому Ганелин с большим уважением относился, приехали к Рафаилу Шоломовичу в гости. Поездке предшествовал звонок Ганелина: «Александр Сергеевич, что Вы сейчас делаете? Вы не заняты?»

«Да, ничего не делаю, отдыхаем после юбилея моего папы: вчера ему исполнилось 60 лет». «Берите с собой Сергея Ивановича, и айда ко мне». Мой родитель и Ганелин уже были неплохо знакомы: мы оба неоднократно приезжали к Рафаилу Шоломовичу на его да-

чу в Комарово. Вот и в тот день мы приехали к Рафаилу Шоломовичу в гости, выпили с ним на двоих (мой папа был за рулем) бутылку красного сухого вина. Ганелин спросил: «Сергей Иванович, сколько Вам лет?» Мой папа ответил: «Уже много: шестьдесят». Ганелин засмеялся и сказал с его неповторимой интонацией: «Боже мой, да это мальчишеский возраст. Какое – много? Какой вы молодой человек! Вы – мальчишка, с мальчишеским кокетством». Мой отец – инженер-строитель, выпускник ЛИСИ, Ганелин – историк, но им было о чем поговорить. Папа мой – человек чрезвычайно начитанный, а Ганелин знал очень многих представителей старой ленинградской технической интеллигенции: словом, они были в восторге друг от друга. Эта история – иллюстрация того, насколько он был гостеприимен и далек от профессорского снобизма. Кроме того, он безумно любил и гордился нашим городом, ему были интересны те люди, которые занимаются в нем созидательным трудом, вне зависимости от их профессии.

В. И. Занятия историей были для него настолько всепоглощающими, что он практически не читал ничего, не относившегося к истории. В театр ходил только на спектакли, в которых играл Женья, его сын.⁴⁸ При этом ему было не жалко потратить время, выпивая со мной или с Вами, или с кем-то еще из коллег – он считал это частью работы: ведь обсуждается история и исторические процессы.

А. П. Да, помню, как я принес ему в подарок книгу записок А. Конан Дойля, посвященную второй англо-бурской войне, в которой он принимал участие в качестве военного врача. Конан Дойль составил потом историю этой кампании, мне показалось, что Ганелину как ученому с этим будет интересно ознакомиться. Он скептически посмотрел на

⁴⁸ Ганелин Евгений Рафаилович (1959 г. р.), актер театра и кино. Заслуженный артист России. Кандидат искусствоведения, талантливый педагог.

меня и сказал: «Жалко потраченных Вами денег». Правда, я уговорил Рафаила Шоломовича оставить эту книгу у себя, убедив его в том, что это интересный источник. Думаю, правда, что он согласился со мной лишь из вежливости и с записками английского писателя так и не познакомился – Ганелин мне говорил, что слишком дорожит своим временем, и он не успевает читать даже научную литературу в том объеме, в каком бы ему хотелось. В то же время в перестроечное время он, безусловно, читал антисталинскую литературу, помню, что мы как-то говорили с ним про «Детей Арбата» А. Н. Рыбакова и «Жизнь и судьбу» В. С. Гроссмана. То, что было связано с трагедией еврейского народа, он наверняка читал. «Тяжелый песок», например, того же Анатолия Рыбакова.

В. И. Помню как-то, что мы обсуждали втроем: я, Рафаил Шоломович и Тамара Сауловна, роман К. М. Симонова «Живые и мертвые». Ему, кстати, не нравилась книга, он относился к ней очень сдержанно, а вот Тамара Сауловна и я ее хвалили.

А. П. Он мне как-то рассказывал, что ему не нравился Симонов за его державный статус: в конце 1940-х годов в Ленинке он видел, как шли на какое-то собрание наши писатели-орденоносцы, литературные генералы: Симонов, [А. А.] Фадеев, все увешанные орденами, пахнувшие дорогим одеколоном, в элегантной форме – все в полковничьих погонах, лощеные, откормленные. Об этой сцене он говорил с возмущением, а подобных писателей, исходя из его убеждений, он не уважал.

В. И. Следует сказать и о его жене. Она многие годы преподавала в педагогическом училище на Некрасова, она была его любовью и другом, и советником. Он писал о ней, что она понимала многое, если не все. Она была очень гостеприимной: встречала нас с Людой очень искренне и доброжелательно. Люду она немедленно вводила в свою комнату, где они начинали свои, женские разговоры.

А. П. А они были на «ты»? Меня просто поразило, что за столько лет общения со мной он впервые назвал меня «Сашей» за две недели до смерти, а до этого исключительно официально – «Александр Сергеевич». С Вами, как я знаю, он тоже был только на «Вы».

В. И. При этом с Юрой Егоровым я был на «ты», а он, в свою очередь был на «ты» с Ганелиным и называл его «Раня». Подлинный демократизм Рафаила Шоломовича, его настоящая простота ученого сказались в критике вот этого архивного фетишизма и неприятия захвата поля истории псевдонаучными терминами. Кроме того, у него было понимание того, что нельзя поклоняться только архивным документам.

А. П. Да, он объяснял свою позицию на примере обоснования своего перехода в последние годы жизни к изучению эпохи Сталина. Он мне объяснял это очень просто – у него был настоящий дар, дар, что называется, на пальцах раскладывать свою позицию и вместе со слушателем идти к финальному выводу. За его мыслью было очень интересно следить – порой это напоминало священнодействие. Он был поразительно необычно мыслящим человеком. Ученым с невероятно своеобразно устроенным интеллектом. Так вот Ганелин объяснял, что по состоянию здоровья он уже не может более ходить в архив, а планку своих исследований по истории российского самодержавия он опускать не хочет; в области же сталинизма количество опубликованных сборников документов и воспоминаний настолько велико, что можно писать интересные статьи и книги, не посещая архив – корпус источников будет при этом выглядеть достаточно основательно.

В. И. В нем поражало его умение покорять разных людей. Когда я привел к нему пятерых профессоров академии ФСБ, людей с весьма разными взглядами, то под водочку Рафаил Шоломович играючи завладел аудиторией, это было настоящее пиршество духа.

А. П. Да! Я приводил к нему в гости разных людей, достаточно сказать, что я привел к нему двух ученых из Америки. Их потрясло, насколько сильный дух и интеллект живет в этом тщедушном и не очень здоровом человеке. Его индивидуальность поражала. Он был очень запоминающимся человеком. В нем восхищала его дерзновенная преданность профессии, вера в ее востребованность обществом. При этом он был убежден в том, что голос ученого должен быть услышан всей Россией. Он верил в прекрасное будущее своей страны, но ему импонировала при этом и западная модель, опирающаяся на сильные государственные институты, а не на управление государством в ручном режиме одной личностью. В этом плане он был одновременно и руссоцентричен, и американоцентричен.

В. И. Да, он был бессребреником. Что Ганелин вывез из Америки в то время, когда все привозили в СССР из заграничных командировок какие-то ценности? 40 килограммов воспоминаний Витте. Главное, чем гордился Рафаил Шоломович, это то, что он вывез из Америки подлинные воспоминания Витте. Он любил вспоминать, как в аэропорту Кеннеди таможенник обратил внимания на огромный короб, переполненный бумагами Витте, и помог ему упаковать его, обклеить липкой лентой. После этого бумаги Витте благополучно долетели до Ленинграда.

А. П. Да. Кстати, эта его поездка была в 1989 году, а дело до публикации дошло лишь в 2000-е, прошло немало лет. Он вспоминал, что эта огромная коробка с бумагами пылилась у него дома, захламляла квартиру, вызывая законное раздражение у его супруги. Но вот настал и ее час, воспоминания Витте были опубликованы.⁴⁹ Это было важным событием и в его жизни, и в истории нашей науки в целом. В нашу предпоследнюю встречу я его спросил: что же

он считает своим главным достижением в науке? Он ответил: биографическую книгу о Витте, подготовленную им совместно с Б. В. Ананьичем [15], а также публикацию воспоминаний Витте. Шутливо называя себя «виттераном», он считал своей главной заслугой то, что он сумел донести до России имя этого яркого политика. При этом Петра Аркадьевича Столыпина он категорически не переносил, считая его в первую очередь погромщиком и вешателем. Витте его привлекал своей политической всеядностью: такой человек, как он, мог бы быть на первых ролях и в Англии, и в Америке, и в Германии, и в России. А Столыпин мог бы быть тем, кем он стал, только в России. Ему не нравилось возвеличивание Столыпина: он считал его необоснованным и противоречащим «традиции» – (одно из его любимых слов!), да и вообще этике профессионального сообщества. Понятие «профессиональное сообщество» он всячески культивировал и чтил.

В. И. Последние годы, надо сказать об этом честно, Рафаил Шоломович уделял слишком большое внимание фактору спецслужб в нашей истории, хотя свое слово в осмыслении сталинской эпохи он, несомненно, сказал. Ему казалось несправедливым и незаслуженным то недостаточное внимание, которое наше общество обнаружило к работам [И. Л.] Бунича, [Д. А.] Волкогонова, [Э. С.] Радзинского, писавших о сталинском времени. Отсюда и его интерес, вылившийся в его известную книгу про Сталина и Гитлера [16]. Сама по себе его задумка – изучить слухи, ходившие о вождях и об их отношениях накануне войны – была блестящей. Но не все получилось, на мой взгляд.

А. П. Да, отношение к этой его книге в профессиональном сообществе было сложным. Многим она не нравилась. Ганелин считал эту работу очень важной для своей исследовательской биографии, мне представляется, что первопричиной подготовки им этой книги бы-

⁴⁹ Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. СПб., 2003.

ло стремление донести до коллег-историков свою позицию: по его мнению, ни в коем случае нельзя забывать о той степени ответственности, которую несет Сталин за события лета 1941 года. «Сообщения о том, что Германия в 20-х числах июня 1941 года (а затем и точно – 22 июня) нападет на Советский Союз, шли к Сталину со всех сторон, недостатка информации не было. Однако Сталин обольщался, считая, что сумеет переиграть Гитлера», – говорил Рафаил Шоломович в одном из своих последних интервью [17]. Как в беседах с коллегами, так и в своих известных воспоминаниях, Ганелин высказывал убеждение в существовании предвоенного «патологического доверия» Сталина, проявляемого им по отношению к Гитлеру [13, С. 25], а после 22 июня 1941 г. – страхе и боязни кремлевского диктатора за собственную судьбу. «Неспособность скрыть свой страх перед ответственностью за все содеянное, понимание им своей бесконечной вины с надеждой на безнаказанность», характерные, по его мнению, для Сталина лета-осени 1941 г., фиксировались Р. Ш. Ганелиным [13, С. 25-26].

В. И. Он знал о критике, раздававшейся в его адрес, в связи с допущением им возможности личного контакта Сталина и Гитлера. Справедливости ради, замечу, что он поместил в приложении к своей монографии письмо, поступившее ему от О. Н. Кена,⁵⁰ блестящего знатока истории предвоенных лет, содержавшее ряд доброжелательных замечаний и предложений по поводу книги. В письме этом Кен убедительно доказывал невозможность личной встречи Сталина и Гитлера. Читатель, получается, мог познакомиться не только с предположениями Ганелина по поводу возможности встречи двух диктаторов, но и с рассуждениями О. Н. Кена о невозможности таковой. Этим проявлялось его уважение к читателю. Кена он очень ценил, уважал

и искренне скорбел по поводу его преждевременного ухода из жизни.

А. П. Мне всегда казалось, что Ганелин всегда воспринимал как самый тяжелый и нервный период в своей жизни последние сталинские годы; даже о войне и об эвакуации он говорил в этой связи гораздо меньше. Для Ганелина приостановление его карьеры на истфаке в начале 1950-х годов – он вернулся к преподаванию в своей альма-матер лишь будучи уже очень немолодым человеком, – было незаживающей раной. Его очень задела антиеврейская кампания, проводимая властью перед уходом Сталина из жизни.

В. И. Там была не только антиеврейская кампания, была еще и ликвидация Ленинградского отделения Института истории, произошедшая спустя буквально неделю после смерти Сталина – Система продолжала еще по инерции работать. Для него важной в этой связи была работа по увековечению памяти работавшего в Ленинградском отделении Института истории историка Владимира Николаевича Кашина. Редкий случай, когда органам в 1937 году перед арестом зачем-то понадобилось проведение собрания трудового коллектива. Кашина и осудили на этом собрании. Самым болезненным для Рафаила Шоломовича было то, что спустя многие годы люди, присутствовавшие на этом собрании, не вспоминали свое участие в нем. Они вычеркнули этот эпизод из своей памяти. Не вспоминала об этом и жена Кашина. Вот эта книга, посвященная конкретному человеку и расправе над ним, для Рафаила Шоломовича была очень важна [18]. Это был в его глазах удар по престижу профессионального сообщества.

А. П. Вместе с тем Ганелин любил подчеркивать, что многие люди, кого он знал, мыслили в любое время на редкость свободно, не особо ограничивая себя какими-то устоявшимися «правилами игры», во всяком случае, в своем кругу. Они жили по формуле [А. С.] Грибоедо-

⁵⁰ Кен Олег Николаевич (1960 – 2007), доктор исторических наук, профессор, специалист по политической истории России XX в. и истории международных отношений.

ва: «Я как живу, так и пишу – свободно и свободно». Он был убежден, что жестокое время порождается не жестоким правителем, а в первую очередь готовностью людей принять эту жестокость в качестве сложившейся модели отношений власти и общества. Ганелин считал, что в течение всей своей профессиональной жизни он и его товарищи не делали ничего, противоречащего представлениям об элементарной человеческой порядочности. Вот эту-то порядочность он и считал основным законом профессиональной этики. Нарушителей этих принципов он на дух не переносил, более того – боролся с ними всеми доступными средствами. Он признавал, что советские историки в сталинскую эпоху и в последующее время были обречены на поиск какой-то приемлемой для них модели отношений с властью: эта «хартия», положения которой нигде и никем никогда не были написаны, за редкими исключениями почиталась всеми участниками описываемого процесса, а ее основные принципы были в равной степени понятны и старались не нарушаться и историками, которым необходимо было и иметь возможность работать в более-менее нормальной обстановке, и публиковаться, и чиновниками, которые следили за идеологической чистотой научных публикаций по истории. Последние, несомненно, понимали, что без свободного обмена мнениями нельзя обеспечить высокоэффективную творческую работу ученых – для них возможность свободно обсуждать те или иные проблемы, делиться друг с другом слухами и сплетнями – попросту необходима; удивительным образом воспрепятствовать естественной потребности человека думать и рассуждать не могло и тоталитарное государство. «Поговорить (чтобы не сказать – посудачить) было о чем. Ведь публиковалось так мало, что без иностранного радио и разговоров общество стало бы слепоглухонемым. Начальство в силу своей осведомленности понимало это в более полном объеме,

чем публика. Специальные запреты были в ходу, но в них была та опасность, что они трактовались как подтверждение запретного, смешное могло показаться еще смешнее и т. п. Оставалась надежда на общую запутанность и благоразумие. А она таяла, со смертью Сталина – в ускоренном темпе», – вспоминал Р. Ш. Ганелин [13, С. 30-31].

Думается, что уместно здесь привести обширный отрывок из его воспоминаний, это позволит донести до читателя не только его неповторимый стиль рассказчика, но и логику его рассуждений, касающихся специфики работы историка, жившего в советскую эпоху; полезно о ней знать и современному специалисту, работающему над изучением истории СССР: «Б. А. Романов, наш учитель, неустанно воспитывая у своих учеников критическое отношение к существовавшей и выходившей литературе (это относилось и к воплощению в ней доктринального начала), демонстрировал уважение не столько к ленинизму, сколько к самому Ленину, и избегал скептических о нем рассуждений с нами. Это совмещалось у него с минимальной приспособляемостью к доктрине, умением ограничиться декларативными или косметическими уступками ей. Не только у Б. А. Романова, но и у других людей его поколения не мог не играть роли печальный опыт ареста и ссылки – собственный и окружающих. И вообще житейская мудрость, требовавшая осмотрительности, оказалась оправданной, когда по прошествии многих лет в архивах ФСБ обнаружались доносы с подробным изложением кулуарных бесед, которые вели между собой историки. С другой стороны, мне всегда казалось, что скептицизм – как научно-методический, историковедческий, так и общеметодологический, политический, – необходим для успешной исследовательской работы. А уж для оценки политической действительности он был жизненно важным, пожалуй, единственным, но очень эффективным средством. Нельзя при

этом не отметить, что скептицизм этот был, применяя ныне распространенные термины, не только разрушительным, но и созидательным. Он способствовал возникновению общественных представлений о таких событиях и явлениях, которые власть стремилась обойти молчанием или изобразить в нужном ей виде. Догадывались мы об очень многом. Ставшие ныне известными секретные документы часто это подтверждают. Не разноцветные бюллетени ТАСС с международной информацией, предназначенной для партактива различных степеней (белые – для верхов), помогали делу, а умение наблюдать, анализировать слухи, видеть сквозь землю... Нельзя, впрочем, не отметить, что и в частно-кулуарных ситуациях поведение историков, как и других граждан, часто имело официозный оттенок. Дело здесь было, как представляется, в сочетании влияния официальной идеологии с определяемой естественными человеческими склонностями тенденцией к ее восприятию. Напомню слова И. Ильфа и Е. Петрова: **“Надо не только любить советскую власть, надо сделать так, чтобы и она вас полюбила”** [Выделено автором. – А. П., В. И.]... В профессионально-производственной сфере дело обстояло значительно сложнее. Историки писали и печатались. Приспособленчество всегда считалось дурным качеством, но приспособливаться было необходимо, если уж Вы стали профессиональным историком (так говорил Б. А. Романов). Профессионализм в наших условиях стал включать в себя не только особую, кроме вообще необходимой, осмысленность и житейски полезную уклончивость, но и ряд других навыков и умений. Среди них весьма важным было умение предвидеть движение начальственной мысли, часто четко не выражавшейся, вероятно, намеренно. Е. В. Тарле, по слухам, сетовал: **“Сказали бы, что танцевать”**. [Выделено автором. – А. П., В. И.] В ходу были каучуковые, или каутскианские, как это тогда назы-

валось, двусмысленные формулировки, хотя за них могли и наказывать. Один влиятельный московский администратор говорил мне (речь шла об освещении российско-китайского разграничения в “Краткой истории СССР”): *нужно, чтобы одинаково правильно читалось и слева направо, и, как по-еврейски, – справа налево...* [Выделено нами. – А. П., В. И.] И для подлинно научных оценок историографии важны реалистические представления об условиях, в которых жили создававшие ее люди. Условия эти, влиявшие на ими написанное, как правило, оставались за рамками. Не только быт в узком смысле этого слова (в какой квартире жили и т. д.) имеется при этом в виду, но и житейские обстоятельства в отношениях между различными частями исторической корпорации, между историками и властью. Подлинная картина жизни того времени много сложнее тех представлений, которые складываются о ней теперь и сводятся иногда к тому, что люди жили в идеологической клетке, боясь друг друга, боясь власти, занимались сплошным доносительством и имели в виду единственную цель – писать, как требовалось. Так действительно было, но было и не только так...» [13, С. 10-11, 12-13, 22-23].

Владлен Семенович, за счет чего Ганелину удавалось в течение более чем полувека работать на высочайшем профессиональном уровне?

В. И. Я думаю, что в первую очередь благодаря опоре на традиции ленинградской исторической школы, профессиональному отношению к источнику, опирающемуся, по его выражению, на «здравый смысл и жизненный опыт»; благодаря неприятию архивного фетишизма, и, конечно, скептицизму, без которого не может состояться ни один ученый. Он любил повторять изречение К. Маркса: «Подвергай все сомнению», это не было равнозначно цинизму, но совпадало с критическим отношением к окружающей жизни и к источнику, поступавшему в работу. Это дополнялось в

нем со стремлением просвещать окружающий социум. В нем присутствовал также великолепный дар рассказчика. Он внимательно очень относился к тем коллективным работам, в которых участвовал. Его работы всегда вызывали большой интерес у корпорации: они не всегда принимались на «ура», но интерес вызывали всегда. Он обладал высочайшей профессиональной репутацией, которую сохранил до конца своей жизни. Ганелин не любил говорить о своих болячках. Помню как-то я навещал его в больнице Первого медицинского института, где он лежал в 2005 году. Он совершенно не тяготился пребыванием среди людей и даже не пытался перебраться в отдельную палату, что можно было бы сделать за деньги. Он был очень прост и демократичен, это у него было искреннее, не напускное. Ему необходимы были люди, чтобы иметь их в качестве собеседника: соседи по палате подпадали под его обаяние.

А. П. Да, помню, как в 2005 году я был у него в больнице – там были Вы и С. К. Лебедев. Было видно, что ему очень плохо, но он не отпускал нас минут 45, рассказывал какие-то байки про 1917 год. В нем восхищала его огромная преданность нашей профессии, ремеслу, как он любил говорить. Он считал, что в любом состоянии обязан подарить человеку, который к нему пришел, какую-то увлекательную историю. Все его истории рассказывались им очень артистично, с большим чувством юмора и самоиронией. Юмор он считал неотъемлемой чертой любого педагога. Помню эпизод, который был связан с чтением им аспирантам первого курса Республиканского гуманитарного института СПбГУ (я был в их числе), проблемной лекции по историографии. Он поговорил-поговорил немного, спрашивал нас о темах диссертации. Заняло это все минут тридцать, не более. Потом сказал: «Знаете, старый профессор очень хочет кушать, все за мной, айда в столовую». Мы пошли все за ним в столовую. Он каждому из нас

купил по чаю и какому-то пирожку с яблоком. Было очень трогательно. На дворе была весна 2003 года. В столовой он продолжил свой рассказ. Ребята в той аспирантской группе, где я учился, в массе своей были из провинции. Они не то, что живого члена-корреспондента РАН, они живого доктора наук из Петербурга видели первый раз в жизни. Он на всех произвел огромное впечатление. Он умел всех сразить своей необычностью. А постоянное общение с ним у меня началось с 2010 года. Мы жили с ним по соседству. Чаще всего он звонил сам, я к нему заезжал, обычно с бутылкой красного сухого вина, иногда это было несколько раз в неделю. Ему не хватало людского общения. Он очень ко мне тепло относился. Участие ко мне и моей судьбе он проявлял до последнего (в прямом смысле слова) дня своей жизни. Помню, что во вторник, 7 октября 2014 года, я защищался, а в ночь с субботы на воскресенье, с 11 на 12-ое октября, на той же неделе он ушел из жизни. Накануне защиты он мне позвонил, дал ряд очень дельных советов по поводу того, как построить речь на защите; потом успел меня поздравить с успешной защитой и рождением первого ребенка, передав новорожденной девочке добрые напутственные слова: «Желаю, чтобы для Вашей дочери вся жизнь сложилась, как для Вас эта неделя». Кто же знал, что он умрет в последний день этой недели... Я очень ему по-человечески обязан, храню благодарную память об этом человеке. Его уход из жизни был для меня тяжелой утратой. Его мудрое наставничество оказало мне неоценимую помощь. Хочется еще раз высказать в адрес незабвенного Рафаила Шоломовича слова благодарности. До сих пор прекрасно помню его неповторимое «Здрасьте!», звучавшее по телефону в качестве приветствия. Он был очень жизнерадостным человеком и большим оптимистом.

В. И. У меня последний разговор с ним состоялся в вечер перед его кончи-

ной. Он интересовался делом Н. А. Корнатовского,⁵¹ у него была своя трактовка его ареста. В этот момент как раз вышла статья К. А. Болдовского в журнале «Новейшая история России» [19]. Я позвонил ему, хотел обсудить эту работу. Он мне ответил: «Владлен Семенович, сейчас не могу говорить, позвоните часа через полтора». Я не знал, что он находится в больнице. Я перезвонил ему, он мне ответил, что снова не может говорить. Утром мне позвонил Женя, его сын, сообщил, что отца не стало. Ни слова Рафаил Шоломович не говорил мне о том, что он в больнице, что ему плохо.

А. П. Да, тем удивительнее, что в 2013-2014 году он чувствовал себя до осени 2014 года очень бодро, много писал, много у него осталось в черновиках, которые лежали у него на письменном столе. Когда его рукописи объединялись им в «писульку», как он их называл, он отдавал их с охотой в Машбюро Института. Я сам, помню, набирал одну из его последних работ на компьютере, разбирая его непростой почерк. В сентябре он вернулся из Комарово, у него был буквально восковой цвет лица. Он мне сказал, что ему предстоит менять кардиостимулятор. Был очень встревожен. Операция прошла очень хорошо, он мне позвонил после нее и сказал, что все вполне терпимо. Как выяснилось – не вполне: он умер буквально через неделю после выписки из больницы. Я последний раз его видел за три недели до смерти: 25 сентября 2014 года. Он мне сказал: «Я понимаю, что мне нужно делать эту операцию, но в моем положении неясно, что лучше – делать ее или нет». Интуиция у него была развита очень сильно. Я уже собрался от него

уходить, он меня позвал. «Саша, подойдите сюда». Он меня поцеловал в щеку первый и последний раз в жизни, к слову, и по имени он обратился ко мне, наверное, тоже единственный раз. Я был буквально раздавлен этим, это выглядело как прощание. Но после операции день-полтора он был в очень хорошем настроении, помню, даже сказал мне: «сейчас я чуть поправлюсь, мы обмоем Вашу защиту. Очень хочется еще пожить, поработать и по возможности помогать Институту». Он продолжал строить планы! Правда, еще через пару дней он сказал мне: «Вы знаете, мне кажется, что мне как-то плохо там все расковыряли». Это было максимум из того, как он мог себе позволить пожаловаться. Он был мужественным и сильным человеком. Если брать нравственность в профессии, преданность ей, веру в значимость нашего ремесла, то Рафаил Шоломович был, на мой взгляд, эталонной фигурой. По своим взглядам, безусловно, он был классическим шестидесятником; от этой эпохи, возможно, он перенял определенный исторический оптимизм и жизнелюбие, чувство собственного достоинства и отсутствие привычки и стремления к тому, чтобы угождать перед кем бы то ни было. Дополнялись эти его качества огромным талантом, работоспособностью, эрудицией и исключительной харизматичностью. Он был одним из крупнейших представителей ленинградской исторической школы последней трети XX века [20]. Легендой профессионального сообщества он стал еще при жизни: трудно сосчитать количество его прямых учеников, тех, кому он помогал консультациями и советами, дружеским участием. А сколько раз он выступал, даже уже будучи серьезно болен, в качестве официального оппонента кандидатских и докторских диссертаций! Какое приятное воодушевление и веселый смех всегда вызывал на банкете после защиты его знаменитый тост: «Желаю Вам поскорее обвакаться!», обращенный к виновнику торжества. Он при-

⁵¹ Корнатовский Николай Арсентьевич (1902 – 1977), советский историк, доктор исторических наук, профессор, специалист по истории Гражданской войны, в сражениях которой успел сам принять участие. В 1949 г. – декан исторического факультета ЛГУ, в том же году арестован и приговорен к 25 годам тюремного заключения за троцкистские взгляды; освобожден в 1954 г. Вплоть до ухода из жизни работал на историческом факультете ЛГУ им. А. А. Жданова.

давал этой части своей работы большое значение, называя это «родовспоможениями»: чаще всего диссертации, на которых Ганелин выступал оппонентом, быстро проходили процедуру утверждения в ВАК. Заметной была и его работа в качестве ответственного редактора коллективных монографий и сборников документов, официального рецензента монографий или их научного редактора. В общем, люди видели от него много добра:

он любил и умел помогать – это было одно из его главных качеств. Поэтому-то и на прощании с ним было такое количество людей: те, кто пришел в тот день в зал Крематория на Шафировском, его *действительно* любили и уважали, искренне оплакивая его память.

В. И. Да, и еще одним его качеством была убежденность в том, что история при нравственном отношении к ней является наукой.

Рафаил Шоломович Ганелин (24.08.2024, п. Комарово)

Список источников и литературы

1. Андреева Т. В. Слово об ушедшем учителе: Рафаил Шоломович Ганелин // Петербургский исторический журнал. 2014. № 4. С. 237-266.
2. Крымская А. С. Рафаил Шоломович Ганелин (1926 – 2014) // Петербургская библиотечная школа. 2014. №4 (48). С. 53-57;
3. Цамутали А. Н., Rogozный П. Г., Лебедев С. К. Рафаил Шоломович Ганелин и его научное наследие // Клио. 2014. №11 (95). С. 154-155;
4. Пученков А. С. Рафаил Шоломович Ганелин: творческий путь историка // Российская история. 2015. №1. С. 147-159;
5. Чернобаев А. А. Мастера российской историографии: Р. Ш. Ганелин (1926 – 2014) // Исторический архив. 2015. №1. С. 80-95;

6. Измозик В. С. Воспоминания о Р. Ш. Ганелине // Проблемы истории и историографии. Сборник докладов Межвузовской научной конференции / Отв. ред. В. В. Калашников. СПб., 2015. Т. 3. С. 173-178;
7. Возгрин В. Е. Памяти Р. Ш. Ганелина // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. СПб., 2015. №13. С. 265-270;
8. Флоринский М. Ф., Жуковская Т. Н. Разговор о Р. Ш. Ганелине // Историк. Время. Общество. Сборник трудов к 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Рафаила Шоломовича Ганелина (1926 – 2014). СПб., 2017. С. 15-30;
9. Чернобаев А. А. Увлеченный познанием прошлого и настоящего (Краткие воспоминания о Р. Ш. Ганелине) // Историк. Время. Общество... С. 31-34;
10. Леонов В. П. Р. Ш. Ганелин: послесловие к дружбе // Историк. Время. Общество... С. 35-37;
11. Рабинович А. Е. Его не будет хватать историкам во всем мире // Историк. Время. Общество... С. 38-39;
12. Нарусова Л. Б. Мой Учитель // Историк. Время. Общество... С. 40-42.
13. Ганелин Р. Ш. Советские историки: О чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х годах. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2006. 408 с.
14. Ганелин Р. Ш. Партийная принципиальность историка: В.И. Биллик (1910 – 2003) // Проблемы новейшей истории России: Сборник статей к 70-летию со дня рождения Г. Л. Соболева. СПб., 2005. С. 442-451.
15. Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. С. Ю. Витте и его время. СПб., 1999. 430 с.
16. Ганелин Р. Ш. СССР и Германия перед войной: отношения вождей и каналы политических связей. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2010. – 287 с.
17. Тайный «роман» вождей (Беседа С. Глезерова с Р. Ганелиным) // Санкт-Петербургские ведомости. 2014. 20 августа.
18. «Что Вы делаете со мной!» Как подводили под расстрел. Документы о жизни и гибели Владимира Николаевича Кашина: [сборник] / Сост., вступ. статья, примеч. Р. Ш. Ганелина. СПб., 2006.
19. «Прошу оказать мне доверие, так как другой жизни помимо жизни в партии и с партией у меня не было, нет и не будет...»: «Дело Н. А. Корнатовского» в документах ленинградского горкома ВКП(б) 1949 г. / Публ. К. А. Болдовского // Новейшая история России. 2014. №2. С. 257-307.
20. Пученков А. С. Рафаил Шоломович Ганелин и его вклад в российскую историографию // Вестник СПбГУКИ. 2015. № 1 (22). С.164-177.

Измозик Владлен Семенович – д.и.н., профессор кафедры истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, (г. Санкт-Петербург, Россия), izmozik@mail.ru

Пученков Александр Сергеевич – д.и.н., профессор кафедры новейшей истории России, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, (г. Санкт-Петербург, Россия), ar80@mail.ru

HE WAS TRULY DEMOCRATIC: REMEMBERING R. S. GANELIN

V. S. Izmozik, A. S. Puchenkou

The article by Doctors of Historical Sciences V. S. Izmozik and A. S. Puchenkou is dedicated to the memory of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences Rafail Sholomovich Ganelin (1926 – 2014), one of the brightest representatives of the Leningrad historical school. The article describes the contribution of R. S. Ganelin to historical science, the features of his research method, and character traits. Ganelin's dedication to historical science and his teachers is particularly noted, and he talks about Raphael Sholomovich's understanding of the specifics of a historian's work with historical sources and the specifics of their interpretation.

Keywords: R. S. Ganelin, Academy of Sciences, Leningrad Branch of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences, B. A. Romanov.

References

1. *Andreeva T. V.* Slovo ob ushedshe uchitele: Rafail SHolomovich Ganelin [A word about the departed teacher: Rafail Sholomovich Ganelin] // *Peterburgskij istoricheskij zhurnal* [St. Petersburg Historical Magazine]. 2014. No. 4. pp. 237-266. (In Russ.)
2. *Krymskaya A. S.* Rafail SHolomovich Ganelin (1926 – 2014) [Rafail Sholomovich Ganelin (1926 – 2014)] // *Peterburgskaya bibliotchnaya shkola* [St. Petersburg Library School]. 2014. No. 4 (48). pp. 53-57; (In Russ.)
3. *Tsamutali A. N., Rogozny P. G., Lebedev S. K.* Rafail SHolomovich Ganelin i ego nauchnoe nasledie [Rafail Sholomovich Ganelin and his scientific legacy]. 2014. No. 11 (95). pp. 154-155; (In Russ.)
4. *Puchenkov A. S.* Rafail SHolomovich Ganelin: tvorcheskij put' istorika [Rafail Sholomovich Ganelin: the creative path of a historian] // *Rossiyskaya istoriya* [Russian History]. 2015. No. 1. pp. 147-159; (In Russ.)
5. *Chernobaev A. A.* Mastera rossijskoj istoriografii: R. SH. Ganelin (1926 – 2014) [Masters of Russian historiography: R. S. Ganelin (1926 – 2014)] // *Istoricheskij arhiv* [Historical Archive]. 2015. №1. pp. 80-95; (In Russ.)
6. *Izmozik V. S.* Vospominaniya o R. SH. Ganeline [Memoirs of R. S. Ganelin] // *Problemy istorii i istorio-grafii. Sbornik dokladov Mezhevuzovskoj nauchnoj konferencii / Otv. red. V. V. Kalashnikov* [Problems of history and historiography. Collection of reports of the Interuniversity scientific conference / Edited by V. V. Kalashnikov]. St. Petersburg, 2015. Vol. 3. pp. 173-178; (In Russ.)
7. *Vozgrin V. E.* Pamyati R. SH. Ganelina [In memory of R. S. Ganelin] // *Trudy kafedry istorii Novogo i Novejshego vremeni* [Proceedings of the Department of History of Modern and Modern Times], St. Petersburg, 2015, No. 13, pp. 265-270; (In Russ.)
8. *Florinsky M. F., Zhukovskaya T. N.* Razgovor o R. SH. Ganeline [A conversation about R. S. Ganelin] // *storik. Vremya. Obshchestvo. Sbornik trudov k 90-letiyu so dnya rozhdeniya chl.-korr. RAN Rafaila SHolomovicha Ganelina (1926 – 2014)* [Historian. Time. Society. Collection of works dedicated to the 90th anniversary of the birth of the corresponding member. RAS of Rafail Sholomovich Ganelin (1926 – 2014)]. St. Petersburg, 2017. pp. 15-30; (In Russ.)
9. *Chernobaev A. A.* Uvlechennyj poznaniem proshlogo i nastoyashchego (Kratkie vospominaniya o R. SH. Ganeline) [Keen on the knowledge of the past and the present (Brief memoirs of R. S. Ganelin)] // *Istorik. Vremya. Obshchestvo...* [Historian. Time. Society..]. pp. 31-34; (In Russ.)
10. *Leonov V. P.* R. SH. Ganelin: posleslovie k druzhbe [R. S. Ganelin: an afterword to friendship] // *Istorik. Vremya. Obshchestvo...* [The Historian. Time. Society..]. pp. 35-37; (In Russ.)
11. *Rabinovich A. E.* Ego ne budet hvatat' istorikam vo vsem mire [Historians all over the world will miss him]. // *Istorik. Vremya. Obshchestvo...* [The Historian. Time. Society..]. pp. 38-39; (In Russ.)
12. *Narusova L. B.* Moj Uchitel' [My Teacher] // *Istorik. Vremya. Obshchestvo...* [Historian. Time. Society] ... pp. 40-42. (In Russ.)
13. *Ganelin R. S.* Sovetskie istoriki: O chem oni govorili mezhdu soboj. Stranicy vospominanij o 1940-h – 1970-h godah. Izd. 2-e, ispr. i dop [Soviet historians: What they talked about among themselves. Pages of memories of the 1940s - 1970s. 2nd Ed., rev. & enl.]. SPb., 2006. 408 p. (In Russ.)
14. *Ganelin R. S.* Partijnaya principial'nost' istorika: V.I. Billik (1910 – 2003) [The party principle of the historian: V.I. Billik (1910-2003)] // *Problemy novejshej istorii Rossii: Sbornik statej k 70-letiyu so dnya rozhdeniya G. L. Soboleva* [Problems of the modern history of Russia: Collection of articles dedicated to the 70th anniversary of the birth of G. L. Sobolev]. St. Petersburg, 2005. pp. 442-451. (In Russ.)
15. *Ananyich B. V., Ganelin R. S.* S. YU. Vitte i ego vremya [S. Y. Witte and his time]. St. Petersburg, 1999. 430 p.

16. *Ganelin R. S.* SSSR i Germaniya pered vojnoj: otnosheniya vozhdej i kanaly politicheskikh svyazej. – SPb. : Izd-vo S. -Peterb. Un-ta [The USSR and Germany before the war: relations of leaders and channels of political relations. – St. Petersburg : Publishing House of St. Petersburg. University], 2010. – 287 p. (In Russ.)

17. Tajnyj «roman» vozhdej (Beseda S. Glezerova s R. Ganelinym) [The secret "romance" of the leaders (S. Glezerov's conversation with R. Ganelin)] // Sankt-Peterburgskie vedomosti [St. Petersburg Vedomosti]. 2014. August 20th. (In Russ.)

18. «CHto Vy delaete so mnoj!» Kak podvodili pod rasstrel. Dokumenty o zhizni i gibeli Vladimira Nikolaevicha Kashina: [sbornik] ["What are you doing to me!" As they were led under the firing squad. Documents about the life and death of Vladimir Nikolaevich Kashin: [collection]] / Sost., vstup. stat'ya, primech. R. SH. Ganelina [Comp., intro. article, note by R. S. Ganelin. St. Petersburg, 2006. (In Russ.)

19. «Proshu okazat' mne doverie, tak kak drugoj zhizni pomimo zhizni v partii i s partiej u menya ne bylo, net i ne budet...»: «Delo N. A. Kornatovskogo» v dokumentah leningradskogo gorkoma VKP(b) 1949 g. / Publ. K. A. Boldovskogo ["I ask you to trust me, because I had no other life besides life in the party and with the party, I do not have and will not have...": "The case of N. A. Kornatovsky" in the documents of the Leningrad City Committee of the CPSU (b) 1949 / K. A. Boldovsky Publ.] // Novejshaya istoriya Rossii [Modern History of Russia]. 2014. No. 2. pp. 257-307. (In Russ.)

20. *Puchenkov A. S.* Rafail SHolomovich Ganelin i ego vklad v rossijskuyu istoriografiyu [Rafail Sholomovich Ganelin and his contribution to Russian Historiography] // Vestnik SPbGUKI [Bulletin of St. Petersburg State University of Economics]. 2015. No. 1 (22). pp. 164-177. (In Russ.)

Izmozik Vladlen Semyonovich – Doctor of Historical science, Professor of the Department of History and Regional Studies, The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications, (St. Petersburg, Russia), izmozik@mail.ru

Puchenkov Alexander Sergeevich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Modern History of Russia, Institute of History, St. Petersburg State University, (St. Petersburg, Russia), ap80@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 23.04.2025; принята к публикации: 13.05.2025.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Измозик В. С., Пученков А. С. Он был по-настоящему демократичен: вспоминая Р. Ш. Ганелина // Социогуманитарные коммуникации. – 2025. – № 2(12). – С. 30-53.

FOR CITATION:

Izmozik V. S. Puchenkov A. S. On byl po-nastoyashchemu demokratischen: vspominaya R. SH. Ganelina [He was truly democratic: remembering R. S. Ganelin] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2025. № 2(12). P. 30-53.